

СЕКЦИЯ 1
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В ТЕКУЩЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Василевич Г.А., доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет

Роль Конституции в жизни общества и государства чрезвычайно важна. Однако, являясь лаконичным документом, Конституция не может детально регламентировать весь спектр отношений, подпадающих под действие права. Поэтому развитие конституционных принципов и норм происходит в текущем законодательстве. При этом сохраняется верховенство конституционных положений, их непосредственное действие.

В тексте Конституции содержатся основные, принципиальные нормы, на основе которых происходит развитие отраслевого законодательства. Каждая отрасль права имеет свои исходные начала в Основном Законе. С принятием Конституции процесс конституционализации отраслевого законодательства имеет важнейшее значение для развития белорусского государства как правового демократического социального.

В статьях Конституции нередки ссылки на то, что в той или иной сфере должен быть принят закон или иной акт. Такая отсылка, конечно же, не умаляет содержание самого конституционного текста, а наоборот предполагает строгое следование ему в подконституционном акте — законе, декрете, указе, международном договоре и т.п. Таким образом, важно соблюдать нормы Конституции, принимая закон, касающийся правового статуса государственного органа или гражданина, строго следовать конституционной природе этого органа или существу принадлежащего гражданам права или свободы.

В свое время много было категорических возражений против расширения компетенции Конституционного Суда. Полагаем, что противники этой идеи просто не поняли смысл и содержание конституционных норм, определяющих статус не только указанного судебного органа, но и иных органов государственной власти. Важно, наделяя тот или иной орган дополнительными полномочиями, соизмерять их с полномочиями иных институтов власти, их предназначением и природой. Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность белорусского Парламента, являются Конституция Республики Беларусь (главы 4, 3, 5 и др.), а также регламенты палат Парламента, закон «О Национальном собрании Республики Беларусь», закон «О статусе депутата Палаты представителей Национального собрания Республики, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» и др.

В Конституции достаточно полно решены основные вопросы организации и деятельности Парламента Республики Беларусь, его взаимоотношения с иными

ветвями власти. Вместе с тем было бы полезно хотя бы в конституционном законе о толковании пункта 2 ст. 97 Конституции разъяснить, как соотносятся полномочия Парламента (Палаты представителей) по правовому регулированию соответствующих отношений с полномочиями других органов, например Главы государства. Практика показывает, что нередко принципиальные вопросы по тем сферам, которые указаны в пункте 2 ст. 97 Конституции, решаются Главой государства, что вполне можно также объяснить особым его статусом.

В законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» следовало бы более точно выстроить иерархию правовых актов Парламента и Президента Республики Беларусь. В частности, следует исходить из того, что законы и указы, изданные в силу конституционных полномочий Парламента и Главы государства, обладают равной юридической силой и, лишь если один из этих органов принимает акт по вопросу, относящемуся к сфере регулирования другого органа, то тогда, разрешая спор, можно установить их соотношение. В тоже время в названном законе необходимо сделать уточнение, имея в виду, что указы, изданные на основе закона, если иное не решено Парламентом, являются не законодательными, а подзаконными актами.

Необходимо решить вопрос о соотношении программных законов (их, как известно, два) и директив, которые также признаны программными актами. Полагаем, что в силу конституционного закрепления программные законы обладают приоритетом. Что же касается директив, то эти программные акты, имеющие политико-правовой характер, определяющие задачи не только на ближайшее время, но и стратегический характер, являются основой для нормотворческой и правоприменительной деятельности. Директивы, несомненно, являются также актами прямого действия.

Конституция, на наш взгляд, не предполагает необходимости принятия закона о Национальном собрании. В ст. 105 Основного Закона указано, что порядок деятельности палат Парламента, их органов, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики определяются регламентами палат, которые подписываются председателями палат. Вместе с тем принятие указанного специального закона позволяет придать содержащимся в нем нормам больший вес, большую «публичность», нежели это могут регламенты акты, на первый взгляд, ориентированные на регулирование внутренней деятельности Парламента. В законе о Национальном собрании было бы полезно детально закрепить контрольные полномочия палат Парламента. К сожалению, многие практические работники, ученые и даже сами парламентарии часто отвергают наличие у Парламента и его органов контрольных полномочий. Такой вывод является неверным. В законе необходимо определить контрольные полномочия комиссий палат Парламента, включая и определение последствий принятия ими решений по итогам проверки исполнения принятых Парламентом законов. Это важно не столько с позиции усиления контроля за деятельностью исполнительной власти, сколько для повышения эффективности правоприменения.

Практика свидетельствует о необходимости толкования ряда конституционных норм, что относится к компетенции Парламента. Принятие соответствующих конституционных законов способствовало бы обеспечению законности, точному применению конституционных норм.

LEASED TERRITORIES AND THEIR INFLUENCE ON NOTIONS OF SOVEREIGNTY

Michael J. Strauss, Ph.D. Professor,
Centre d'Etudes Diplomatiques et Strategiques Paris, France

Territorial leasing is recognized in international relations and international law as a means by which states can exercise control over territory without having sovereignty over it. Leases allow states to reallocate sovereign rights over specific areas without transferring title to them or altering any boundaries.

Territorial leases started to become more widespread at the end of the 19th century. Political and legal scholars have generally considered them to be a marginal phenomenon in relation to the Westphalian system of states, but leased territories sometimes play a more prominent role in the system than many states do — Hong Kong, the Panama Canal and Guantanamo Bay being contemporary examples. An obvious reason for this prominence is that leased territories raise questions about the nature of fundamental concepts that underpin the Westphalian system — most notably sovereignty and related notions like legal jurisdiction. The very structure of leasing arrangements involves giving one state sovereign rights, sometimes comprehensively, over territory where another state has sovereignty.

As creations of states, leased territories do not exist for the purpose of challenging the Westphalian order, but this is arguably their most important contribution to it. Questions about the nature of sovereignty affect the entire system of states, reaching far beyond any two states that are directly involved in creating and administering a specific lease.

Territorial leasing and the related concept of international servitudes between states derive from private law concepts that pertain to property ownership and the rights associated with it [1, p.p. 91—92, 94—96]. Generally, one can define a territorial lease as an agreement that creates sovereign rights for one state on the territory of another, when the form of the agreement emulates the form of a lease in private law. These rights can be said to comprise a servitude that effectively limits the sovereignty of the lessor state and extends the sovereign competences of the lessee state.

Sovereignty and Territorial Leases. Many scholars consider sovereignty as monolithic in substance, although its exercise is divisible [2, p. 85]. Others consider sovereignty to be the sum of a potentially variable set of state competences [3, 64—70]. Whichever way it comes about, the notion that specific and identifiable competences exist within the context of sovereignty gives rise to the notion that sovereignty can be both internal and external, and also to the notion that it can have limits, with individual competences